

9 ФЕВ 1985

СМЕНА
г. Ленинград

СМЕНА

Артист Академического театра имени Моссовета Сергей Юрский исполняет в Ленинграде одну за другой уже знакомые и новые литературные программы.

Тема Юрского многогранна, ей свойственно симфоническое звучание. Она распахнута в историю культуры, сопрягая общим гуманистическим подтекстом далеко отстоящие друг от друга имена и явления. Она чутко обращена своим оголенным нервом туда, где «болит». Тема ветвится разнообразными вариациями. Здесь истоки широкой гуманистической концепции действительности с ее характерным сочувствием к человеку и мудрым, но не бесстрастным пониманием неисповедимой сложности жизни. Этим сочувствием и пониманием творчество Юрского как бы утишено, смягчено, гармонизировано. Хотя не теряет внутренней остроты. Хотя всегда освещено из глубины светом пытливого мысли. То же относится и к природе смеха актера.

Юрский ищет смешное в каждой программе и, естественно, во всех ролях. Отсутствие смеха в зале равносильно провалу — контакт с публикой не состоялся. Клавнатура комического достаточно многообразна, а тяготеет Юрский к тому полюсу, который связан с резким, взрывным сценическим письмом — эксцентрикада, парадокс, комический гротеск, анекдот, «черный юмор».

Но смех для него не самоцель. Он может жалить и кусать, издеваться и разить, даже клеймить, но не может оставаться безучастным к подоплеке нравственной и человеческой. В основе смеховой стихии Юрского всегда заложена определенная идея. Его смех интеллектуален. Его комизм аналитичен.

Сильные концерты Юрского начинаются... со стульев.

Они рассекают пространство сценической площадки сверкающей диагональю или сгруппированы в небольшую игровую композицию — вокруг столика, поодаль от него, возле ролея, чуть в стороне. По ходу движения коллаж из стульев не-

прерывно меняет свою конфигурацию. Авторская воля преобразует его то в ночной булуар Натальи Павловны, куда направляется смутным шагом граф Нулин, то в кладбищенскую стену еврейского кладбища, на которой притулился старик Арье-Лейб, «живущий при покойниках» («Одесские рассказы» И. Бабеля). Это может быть зал суда, где хри-

Юрский высвобождает его, делая чувственно ощутимым и зримым. Для этого, в сущности, ему и понадобятся стулья — главная сценическая условность, найденная артистом как эквивалент условности литературной. Впрочем, стулья почти всегда дополняются по необходимости отдельными деталями. Цилиндр или трость, подсвечник или папироса, ку-

нив ни слога, ни буквочки с пиришественного стола высокой литературы. Особо сложные вещи не стесняется перечитать дважды. Юрский не просто «читает» — подымает за собой аудиторию, приобщает к непривычному, ведет слушателей к постижению бессюжетной музыки стиха.

Если попытаться кратко определить содержательную сторону эволюции Юрского как художника литературного театра, то следовало бы сказать так: от «ситуаций и характеров» к «теме и вариациям». Естественно, ситуации остаются, характеры обостряются, но они теряют свое монопольное право, свою самодостаточность. Они важны лишь постольку, поскольку обнаруживают — впрямую, исподволь, через контраст — мысль автора. Авторский сюжет становится вышедшей эстетической ценностью в театре Юрского. Авторский и в том смысле, что ставит своей задачей явственный контакт с неповторимостью избранного для прочтения писателя или поэта. И в том, что с необыкновенной полнотой и многообразием стремится выразить тему самого Юрского. Может быть, именно на этой территории ему дано сегодня с максимальной искренностью выразить себя как художника, человека, актера.

Распахивая авторский текст, Юрский извлекает скрытую художественную энергию произведения. Она является часто в таком неожиданном качестве и количестве, что производит впечатление открытия. Его исполнение — подлинное соавторство, звучащее литературоведение, филологический эксперимент. Мало того. Он высказывает дополнительную содержательную новизну из самого сопоставления, «монتاжа» разных произведений и авторов.

В композицию каждой программы он привносит собственные размышления о живом пульсе литературно-исторических традиций, о культурной и художественной преемственности (или контрастности) сюжетов, имен, поколений.

Э. ЯСНЕЦ,
кандидат искусствоведения

СТИХИЯ СМЕХА И СЕКРЕТ УСПЕХА

Имя Сергея ЮРСКОГО хорошо известно ленинградцам. В эти дни артист снова выступает в нашем городе.

Плохослый русский офицер, вытянув вперед руку, требует зачитать дневник молодой девушки, им убитой из ревности («Легкое дыхание» И. Бунина), или маленький шотландский кабачок, наполненный веселыми нищими Р. Бернса с их песнями — исповедями и насмешливыми куплетами, или просторная украинская мазанка, освещенная жидко дыющим светом одинокой свечи, фантастически прыгающими по стенам тенями да певучим малороссийским говорком рассказчика, повествующего страшную историю о чертовой свитке («Сорочинская ярмарка» Н. Гоголя).

Стулья Юрского — знаки быта, свидетели бытия; они — опознавательные рубежи каждый раз нового пространства и времени, в которых протекает и в которых погружен сюжет произведения.

Стулья Юрского — молчаливые сообщники и партнеры актера в создании особого художественного мира. Пустое пространство, преобразованное им с помощью стульев, становится поэтическим. То есть многозначным. Развернутое на сцене пространство повести или поэмы, новеллы или миниатюры — источник потаенного смысла.

сок алой свитки, выскакивающий из руки артиста, словно из рукава фокусника, — они характеризуют поворот сюжета или персонажа, а то и самую мысль автора.

Если вообразить себе выступление Юрского как бы освобожденным от плоти текста и проследить движение сюжета только по зримым элементам повествования — мизансцена тела, жест, мимическая гримаса, пауза, переход, то окажется, что они образуют очень легкую, гибкую, но прочную «паутину», сочиненную и сотканную Юрским-режиссером. Текст как бы опутан ею; слово вложено в уста ритмопластической партитуры. И одно, кажется, уже не в силах существовать вне другого.

Другой плюс выступления артиста — чистое слово. Он демонстрирует речевое искусство, целиком опираясь на изобретательную инструментальную поэтическую слова. Почти каждая программа заканчивается чтением стихов Б. Пастернака — казалось бы, «нечитательных», казалось бы, трудноуловимых для восприятия на слух. Он исполняет их, точно ворожея, гипнотизируя зал непривычной остротой поэтического зренья и слова, не обо-